

DOI: 10.31857/S013038640015416-5

© 2021 г. П.В. СТЕГНИЙ

«Я БУДУ ЦАРСТВОВАТЬ ИЛИ ПОГИБНУ».

Новые материалы Государственного архива РФ о переписке великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом в 1756–1757 годах*

Стегний Петр Владимирович — доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол (Россия, Москва).

E-mail: pstegny@inbox.ru

Researcher ID: AAC-8102-2021

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный эпизод царствования императрицы Елизаветы Петровны, связанный с тайной перепиской Екатерины II, тогда еще великой княгини, с английским послом в Петербурге Чарльзом Хенбери-Уильямсом (1756–1757 гг.). Переписка, опубликованная в России и Великобритании, представляет собой уникальный по объему и значимости источник. Она дает возможность представить потаенную сторону дипломатии, связанную с процессом масштабных геополитических сдвигов накануне и во время «дипломатической революции» 1756 г. и Семилетней войны. Переписка с английским послом раскрывает властные амбиции Екатерины во время августовского и октябрьского кризисов хронической болезни императрицы, политическую подоплеку ее связи со С.А. Понятовским. Предметом исследования является новый источник, выявленный в Государственном архиве РФ, — «Записка о сэре Хенбери Уильямсе, его отношениях с Екатериной II и политике его времени». Этот документ был подготовлен в начале 1860-х годов Д.Н. Блудовым для Александра II, а затем хранился в личной библиотеке русских императоров. «Записка» Д.Н. Блудова состоит из пяти глав. Первые две посвящены биографии Уильямса и начальному периоду его работы в Петербурге (1755–1756 гг.). Третья и четвертая — собственно переписке посла с великой княгиней Екатериной Алексеевной, т.е. с отъезда Понятовского из России до его возвращения в Петербург в качестве чрезвычайного польско-саксонского посланника. В пятой главе рассматриваются события до отъезда Уильямса из России. Материал статьи сгруппирован по трем смысловым блокам, характеризующим основные направления дипломатической деятельности Уильямса в Петербурге, его участие в интригах группировок при елизаветинском дворе и роль в истории с Понятовским. Приводятся также уточненные сведения о личности Уильямса, его деятельности до приезда в Петербург, обстоятельствах отъезда из России, а также характеристика итогов его миссии¹.

Ключевые слова: Чарльз Хенбери-Уильямс, великая княгиня Екатерина Алексеевна, А.П. Бестужев, «дипломатическая революция» 1756 г., Семилетняя война.

* Окончание. Начало см. № 2 за 2021 г.

¹ Основные тезисы статьи изложены в выступлении автора 15 сентября 2020 г. на «круглом столе», посвященном 100-летию Государственного архива РФ.

P.V. Stegny

“I Shall Either Perish or Reign”. New Materials from State Archive of Russian Federation on the Correspondence Between Grand Duchess Catherine and the British Ambassador Charles Hanbury Williams in 1756–1757*Piotr Stegny, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Moscow, Russia).**E-mail: pstegny@inbox.ru**Researcher ID: AAC-8102-2021*

Abstract. The article deals with a little-studied episode of the reign of Empress Elizaveta Petrovna, related to the secret correspondence of Catherine II, then still a Grand Duchess, with the British Ambassador in St. Petersburg Charles Hanbury Williams (1756–1757). The correspondence published in Russia (1909) and the United Kingdom (1928) is a unique source in terms of volume and significance. It provides an opportunity to show the hidden side of diplomacy in the times of large-scale geopolitical shifts on the eve of and during the Diplomatic Revolution of 1756 and the Seven Years' War. Moreover, the correspondence with the British Ambassador reveals Catherine's power ambitions during the August and October crises of the Empress's chronic illness, the political background of her relationship with S.A. Ponyatovsky. The subject of the research is a new source found in the State Archive of the Russian Federation — “A Note on Sir Hanbury Williams, His Relationship with Catherine II, and the Politics of His Time”. The “Note” consists of five chapters. The material of the article is grouped into three blocks characterizing the main directions of Sir Williams' diplomatic activity in St. Petersburg, his participation in the intrigues at the court of Elizaveta Petrovna, and his role in the romantic affair between the Grand Duchess and Stanisław Ponyatovsky. The article also provides updated information about Williams' personality, his activities before his arrival to St. Petersburg, the circumstances of his departure from Russia, as well as analysis of the results of his mission.

Keywords: Sir Charles Hanbury Williams, Grand Duchess Catherine Alekseevna, Alexey Bestuzhev, Diplomatic Revolution of 1756, Seven Years' War.

«ОДИН ЧЕЛОВЕК ОКАЗАЛСЯ НЕ СТОЛЬ ЛЮБЕЗНЫМ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ»

Вопросы борьбы вокруг наследования престола в случае смерти императрицы появляются в переписке великой княгини с английским послом уже на раннем ее этапе. Инициатором обсуждения этой чрезвычайно острой темы выглядит Екатерина. Уже во втором своем письме (от 5 августа) она предупреждает посла (шутливо), что «не сможет решить всех его проблем, пока он не сделает ее императрицей»². Но вполне очевидно, что Уильямс сам подводит ее к этому, постоянно привлекая внимание к династическому подтексту интриг Шуваловых в пользу восстановления дипломатических отношений с Францией (за ними, «должно быть, кроется какой-то скрытый замысел, а может быть, секрет, находящийся в руках этого семейства»)³. Екатерина, по-видимому, еще не вполне доверяющая послу, продолжает отшучиваться. Уильямс меняет тактику. «Мне нужны новые друзья», — сообщает он, получив конфиденциальные сведения о скором приезде в Петербург французского посла. Намек более чем прозрачный — Уильямс, крайне недовольный Бестужевым, подумывал о том, не поиграть ли на противоречиях между канцлером и Шуваловыми.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 728. Рукописные материалы библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Д. 137. Notice sur sir Hanbury Williams, ses relations avec Catherine II et les affaires de son temps (далее — «Записка»). Л. 397.

³ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. / Под ред. С.М. Горяинова. СПб., 1909. С. 17.

В этой ситуации Екатерина предстает перед нами как умный, целеустремленный политик, прекрасно понимающий, что и зачем она делает. Она начинает уведомлять Уильямса о расстановке сил при дворе. Но говоря о попытках Н.Ю. Трубецкого и С.Ф. Апраксина помирить ее с Шуваловыми, подчеркивает, что не верит в искренность ни тех, ни других, замечая, что все они лишь пытаются устроить свое будущее на случай смены власти, поэтому она «платит им той же монетой»⁴. Столь же трезвые и исключительно точные характеристики дает великая княгиня А.И. Глебову, Р.И. Воронцову, И.Г. Чернышеву и другим влиятельным придворным. Успокаивая Уильямса, она пишет, что интриги Шуваловых, как и приезд французского посла, представляют собой серьезную опасность для нее и великого князя⁵. Именно поэтому она не собирается отдалять от себя Бестужева, рассчитывая на его «тщеславие и жадность». Да и в целом не видит необходимости приобретать новых друзей.

Тональность переписки Екатерины с Уильямсом меняется в начале августа, когда появляются сообщения об ухудшении здоровья Елизаветы Петровны. «Вода поднялась к низу живота, причиняя ей сильную боль», — пишет Екатерина, ссылаясь на придворного врача П.З. Кондоиди⁶. Особых оснований для волнений, как вскоре выяснилось, не было — к регулярным приступам, случавшимся с императрицей, начали привыкать. Тем не менее 12 августа великая княгиня решилась поделиться с сэром Чарльзом сокровенным. Этому способствовало, на наш взгляд, опубликованное в этот день утром решение обменяться дипломатическими представительствами с Францией. Подготовленный Шуваловыми по этому вопросу доклад подписали все члены Конференции, включая великого князя Петра Федоровича, хотя тот долго отказывался поставить свою подпись, ссылаясь на то, что действия Франции в Швеции, где не без ее участия произошел государственный переворот, наносят ущерб интересам Голштинского дома. Это был сильный удар по позициям Бестужева, уверявшего посла, что восстановление отношений с Францией будет уравновешено согласием России принять от Англии взнос по субсидному договору. Обозначившаяся таким образом перспектива очередного кризиса в отношениях Уильямса с Бестужевым, похоже, создала психологическую основу для того, чтобы Екатерина решилась обсудить с послом вопросы высшей государственной важности.

«Предположим самые дурные замыслы против меня, — писала великая княгиня 12 августа сэру Чарльзу. — В какое время, по Вашему, они осуществляются? Случится ли это при жизни императрицы? Вы знаете о неэффективности управления, всеобщем неудовольствии, в особенности между военными. К этому надо добавить страх перед тремя или четырьмя живыми претендентами (а эта статья производит на нее очень сильное впечатление), которым она предпочитает своих близких. Наконец, вследствие своего робкого характера она, как я надеюсь, при своей жизни остановится перед препятствиями, какие могут возникнуть, если бы она основала все свои надежды на судьбе двухлетнего ребенка»⁷.

(Как показали дальнейшие события, претендентами на российский престол, по мнению Екатерины, императрица считала великого князя Петра Федоровича, великого князя Павла, которому было тогда два года, а также находившегося в Шлиссельбургской крепости представителя Брауншвейгской династии Иоанна Антоновича. Реальную опасность своим интересам Екатерина видела, прежде всего, со стороны Шуваловых, подозревая их в поддержке французских интриг в пользу Иоанна Антоновича).

Далее в том же письме: «Всякий насильственный переворот должен совершиться в 2 или 3 часа времени, к тому же, захотят ли они нас устранить или нам связать руки, они не могут произвести это одни». Вследствие этого важно «быть извещенным

⁴ «Записка». Л. 368.

⁵ Там же. Л. 396.

⁶ Там же. Л. 371–372 об.

⁷ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 26–27.

вовремя» (такие поручения были уже даны восьми офицерам). Дав понять Уильямсу, что ею уже были приняты превентивные меры, Екатерина заключает: «Вина будет на моей стороне, если возьмут верх над нами. Но будьте уверены, что я не сыграю спокойной и слабой роли шведского короля, я буду царствовать или погибну». Эти слова станут ее девизом вплоть до июньского переворота 1762 г. Она повторит их Уильямсу еще не раз.

«Какая душевная твердость!» — восклицает Уильямс в эти дни. И далее: «Вы рождены, чтобы повелевать и царствовать»⁸. Но комментировать набросанный великой княгиней план остерегся. 13 августа он передал через нее письмо великому князю, в котором поблагодарил его за твердость в противодействии французскому влиянию в России, и продолжил настраивать Екатерину против Шуваловых, якобы обсуждавших с Дугласом перспективы смены династии. Как ни странно, но в пункте 7 инструкций маркизу Л'Опиталю, который вскоре будет назначен французским послом в Петербурге, ему действительно предписывалось прозондировать шансы на воцарение «князя Ивана»⁹.

Далее в «Записке» следует пауза в пять дней. Многие при дворе считали дни, остававшиеся жить императрице. Критический момент, по мнению Екатерины, мог наступить в любое время¹⁰. Утром в воскресенье 18 августа она, наконец, обращается к Уильямсу, прося совета насчет мыслей, возникших у нее из-за «усилившихся в последние 24 часа недомоганий», называя их «своими мечтами». Далее излагается продуманный во всех деталях план действий. Получив от верных людей известие о смерти императрицы, Екатерина идет в комнату сына, затем связывается с обер-егермейстером А.Г. Разумовским и оставляет его при сыне. «Равным образом пошлю верного человека предупредить пятерых гвардейских офицеров, на которых я могу положиться; каждый из них приведет мне 50 солдат (в чем уже условлено по первому сигналу), которых, может быть, я не пущу в дело, но которые будут сопровождать меня в виде запаса во избежание всяких помех. Они будут подчиняться только великому князю и мне». После этого Екатерина была намерена предупредить канцлера Бестужева и генералов С.Ф. Апраксина и Ю.Г. Ливена. «В ожидании их я войду в покои умирающей, куда и велю позвать капитана, командующего караулом, и лично приму его присягу и удержу его при себе. Мне кажется, что будет лучше и безопаснее, чтобы оба великих князя оставались вместе, чем если бы один из них меня сопровождал; местом сбора моих людей будет моя передняя. При каком-либо движении, и даже самом малейшем, которое я бы заметила, я велю как своим людям, так и солдатам караула взять под стражу Шуваловых и дежурного генерал-адъютанта. Прибавьте к этому, что дежурные офицеры лейб-компанцы — люди надежные, я хотя и не имею сообщений со всеми, но могу в достаточной мере рассчитывать на двух или трех из них и настолько пользуюсь уважением, что заставлю повиноваться мне всякого, кто не будет подкуплен». Екатерина подчеркивает неофициальный характер обращения («пишу Вам как другу») и просит «исправить и предписать» ей «то, чего не достает и то, что не удалось предвидеть»¹¹.

Во второй части этого письма, написанной в тот же день вечером, Екатерина рассказывает о своей беседе с К.Г. Разумовским. Гетман заверил ее в твердой поддержке «малого двора» Измайловским полком, которым командовал его брат А.Г. Разумовский. Он гарантировал также поддержку действий Екатерины генерал-прокурором Н.Ю. Трубецким. По мысли Екатерины, А.Г. Разумовский должен был играть важнейшую роль при смене власти: он брался внимательно наблюдать за Шуваловыми, вице-канцлером М.И. Воронцовым и другими членами французской партии.

Письмо заканчивается фразой: «Бутурлин просил мне передать через третьи руки предупреждение, что будто бы Шуваловы держат принца Иоанна в Шлиссельбурге

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Депеша Уильямса Митчеллу от 8 (19) октября 1756 г. — «Записка». Л. 222—223 об.

¹⁰ Там же. Л. 415.

¹¹ Там же. Л. 414 об.—416; Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 47—48.

в 60 верстах от города; я знаю, что два месяца тому назад камергер [Р.И.] Воронцов желал туда...» Здесь текст обрывается. Авторы «Записки» обращают внимание на то, что последний листок, возможно, содержавший данные о планах Шуваловых, утерян¹².

В тот же день, 18 августа, Уильямс, одоббив («нельзя лучше придумать») план, разработанный Екатериной, особое внимание также обратил на планы Шуваловых и Воронцова в отношении Иоанна Антоновича: «Если против Вас замышляется заговор, то не будут ожидать смерти императрицы, чтобы привести его в исполнение»¹³.

В «Записке» дается оценка действий Екатерины в условиях кризиса. «Не может не восхищать, — отмечается в ней, — чудесная ловкость, с которой великая княгиня заставляла двигаться самые разные колесики сложного политического механизма, налаживая взаимодействие людей противоположных политических взглядов как из своего окружения, так и вне его для того, чтобы подготовить исполнение своих амбициозных проектов. Не следует забывать, что она вела все эти сложные интриги, оставаясь женщиной, привлекая на свою сторону и друзей, и врагов, движимая страстью к графу Понятовскому, которую не могли игнорировать даже императрица и Шуваловы. Мы увидим дальше, что эта страсть была настолько сильна, что поставила ее на грань того, чтобы пожертвовать своими связями с канцлером. И все же именно он и во вторую очередь Апраксин, вне всяких сомнений, были ее настоящими конфидентами. Возможно, только они одни знали ей истинную цену. По крайней мере Бестужев. Она, возможно, презирала их за личные качества, прежде всего за недостаток благородства, но тем не менее сумела привязать их к своей судьбе, поскольку знала, что обширные ресурсы в искусстве интриг одного и влияние другого в армии были необходимы для ее величия. Разумовские, связанные скорее с Воронцовым, представлялись ей материальной силой, которую следовало иметь под рукой в столице: не приходилось надеяться добиться цели без поддержки гвардии. Гетман и его брат были заклятыми врагами Шуваловых, которые потеснили их рядом с императрицей. Это были порядочные люди, на преданность которых можно было полностью положиться. Из материалов, которыми мы располагаем, затруднительно сказать, договорились ли великая княгиня и канцлер о конечной цели — шла ли речь о возведении на трон великого князя Петра Федоровича или великого князя Павла Петровича. Однако в любом случае складывается ощущение, что править должна была великая княгиня. В инструкциях, данных гетману относительно переговоров с Трубецким и [А.Б.] Бутурлиным, на первый план выдвигается великий князь Петр. Вполне очевидно, что других возможностей привлечь их на свою сторону не имелось. Не исключено, что такое условие выдвигали и братья Разумовские. В отличие от них канцлер, знавший, что великий князь его ненавидел, имел все основания опасаться его изменчивого настроения и не был готов рисковать головой в царствование подозрительной Елизаветы, чтобы обеспечить ему приход к власти.

Уильямс [также] являлся конфидентом великой княгини. Он был предан только ей лично. И ради нее, и в то же время ради Великобритании он использовал свое положение иностранного дипломата для того, чтобы помочь ей советом в опасных и столь сложных интригах. Ни одно слово в его переписке не показывает, что у него даже на краткий миг возникали мысли и желания возвести на трон великого князя Петра. Но посол Англии был не более чем личным другом, чей интеллект и характер ценили, которого даже использовали в качестве посредника, но не могли допустить к самым главным секретам: тому, чего хотели добиться и избежать. Польза от него от этого не становилась менее значительной, а его содействие менее важным, поскольку он располагал самым нужным и незаменимым — деньгами, которые могли получить только от него. Кроме того, он гарантировал на будущее дружбу Англии и Пруссии, в которой

¹² Там же. Л. 417–420; Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 48–50.

¹³ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 52.

здесь были весьма заинтересованы, учитывая личное внимание кабинетов Вены и Версаля к великокняжеской чете, являвшейся открытыми врагами партии Шуваловых. Невозможно сказать на основании документов, которыми мы располагаем, вынашивали ли в действительности Шуваловы планы, которые им приписывали. Но можно утверждать, что на будущее они хотели оставить за собой различные варианты действий. С одной стороны, чтобы сохранить почти неограниченную власть, которой они располагали, а с другой — предотвратить несчастье, которое готовил им их заклятый враг Бестужев в случае, если бы к власти пришла великая княгиня, у которой также было немало претензий к ним. Хотя они выступали не столько против нее, сколько против канцлера. Последующие события это ясно показали: избавившись от него, они сблизились с великой княгиней»¹⁴.

Августовские события стали для великой княгини чем-то вроде учебной тревоги на долгом и опасном пути к вершинам власти. По схожей схеме развивался и очередной кризис власти, случившийся через два месяца. 15 октября Уильямс узнал от великой княгини, что на заседании Конференции, состоявшемся накануне, Бестужеву лишь с большим трудом удалось предотвратить разрыв отношений с Англией, которого требовали Шуваловы. Из круга Шуваловых, как полагали, исходил и распространившийся в это время слух, что в случае объявления войны Фридрих был намерен объявить манифест в пользу Иоанна Антоновича. Когда этот слух дошел до Елизаветы Петровны, она вспыхнула, пообещав в случае малейшей угрозы «отрубить князю Ивану голову». Бестужев, как всегда бывало в критических ситуациях, повел себя двойственно. Через придворного ювелира Бернарди он попытался успокоить Уильямса, посоветовав великой княгине передать ему, что «русские войска, перейдя границу, не будут продвигаться в глубь Восточной Пруссии». Екатерина уведомила посла о разговоре с Бернарди. Но в том же письме сообщила, что хотя в ночь на 15 октября императрице во второй раз за последние три дня пустили кровь, состояние ее оставалось тяжелым — она перестала узнавать окружающих.

Через два дня, 17 октября, великая княгиня уточняет диагноз: ее хирург предполагает «апоплексический удар, который сразит ее безошибочно». Но Екатерина высказывается на этот раз более осторожно, заметив, что «канцлер думает, что императрица в худшем состоянии, чем я думаю сама». Тем не менее, отмечая изменение отношения к ней со стороны придворных, она пишет: «Видите, как мне льстят в момент развязки». И далее: «У меня имеются три лица, которые не выходят из ее покоев и которые не знают, каждый в отдельности, что они меня предупреждают, не преминут в решительный момент сделать это»¹⁵.

16 октября Уильямс, отвечая на не сохранившееся письмо великой княгини, пишет: «В случае смерти Вы, благодаря Богу, на месте. Нужно, чтобы великий князь и Вы явились почти тотчас, но не прежде, чем будет принесена присяга вам обоим министрами или министром, которого вы допустите к себе первым. Он не должен целовать Ваших рук прежде, чем присягнет. Не принимайте никого худо в первые дни, но отличайте тех, кому Вы покровительствуете. Примите облик, который не выражал бы ничего, кроме значительной твердости и хладнокровия. Если великий князь Павел здоров, Вы должны будете взять его ненадолго на руки. Нет никакой необходимости даже думать о Вашей безопасности и о защите. Титул великого князя ясен, как день. Нет его лучше в Европе. Все склонится, распространится перед Вами, и Вы взойдете на престол так же легко, как я сажусь за стол. Если найдется завешание и если оно не совсем в Ваших видах, лучше его уничтожить. Не провозглашайте другого титула, кроме как кровь Петра Великого. Необходимо, чтобы великий князь немедленно собрал все гвардейские полки и показался им»¹⁶.

¹⁴ «Записка». Л. 420 об.—428.

¹⁵ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 211.

¹⁶ «Записка». Л. 236—237.

В том же письме Уильямс, примеряясь, очевидно, к новой роли, которую обещало ему воцарение Екатерины, обронил фразу: «Депеши Панина из Стокгольма настолько хороши, что я вижу его в кресле вице-канцлера». «Я последую Вашим последним советам тем более охотно, что они кажутся мне наиболее подходящими к настоящим обстоятельствам», — отвечала Екатерина 17 октября. На фразу Уильямса о Панине заметила, что «давно уже видит его будущим вице-канцлером»¹⁷. Наводит на размышление и концовка письма: «Я желаю, чтобы свершилось Ваше блаженное видение, но между нами, скажу Вам, что боюсь не поддержать имени, слишком рано ставшего известным. Смею сказать, что во мне кроются великие враги моей славы, которых Вы можете вовсе не знать. Каким образом избежать того, чтобы не быть ведомым и как сделать, чтобы не быть ослепленным?.. Но клянусь Вам, что мое тщеславие и мое честолюбие трепещут из опасения, чтобы не потерпеть обиды от неизвестного врага»¹⁸. Те же сомнения звучат в ее письме от 19 октября: «Чем более я вижу приближение срока, тем более боюсь, что мой ум может меня обмануть и все оказаться мишурой или фальшивым серебром. Глупо, может быть, говорить Вам это, но клянусь, что мои слова продиктованы дружбой»¹⁹.

Однако и на этот раз ожидания великой княгини и посла оказались напрасными. «Один человек вновь не оказался столь любезным, чтобы умереть», — будет с этих пор повторять Уильямс при очередном приступе болезни императрицы.

С конца октября династические вопросы исчезают из переписки Екатерины с Уильямсом. После катастрофического по своим последствиям его разговора с императрицей в доме Воронцова великая княгиня начинает смотреть на него другими глазами. И, похоже, дело не в том, что он с детской наивностью попал в ловушку, расставленную Воронцовым и Шуваловыми. Гораздо хуже было то, что почти месяц после этого он не хотел признавать, что оказался одурачен, сам сделав себя жертвой публичных насмешек.

Великая княгиня и Уильямс как бы меняются ролями. Екатерина перестает играть роль ученицы, осознав, надо думать, не только справедливость жалоб Бестужева на выскомерие и импульсивность Уильямса, но и, главное, несовместимость политической повестки посла с собственными интересами и широко понятыми задачами России. Думается, что от более решительных шагов ее удержала лишь заинтересованность в содействии посла в возвращении Понятовского. Стиль ее общения с Уильямсом начинают определять довольно плоские взаимные комплименты, напоминающие ее позднейшую переписку с Вольтером, Дидро и Гриммом. Но без того интеллектуального блеска, который составил славу ее общению с властителями дум просвещенного осмнадцатого века.

ПАРАДОКСЫ ПОНЯТОВСКОГО

Борьба за возвращение Понятовского — это своего рода сквозной сюжет переписки, скрепляющий воедино логику действий таких разных персонажей, как великая княгиня, Бестужев и Уильямс. Без иррациональной, но всепоглощающей страсти Екатерины к молодому поляку (Понятовский был моложе ее на четыре года) этот странный треугольник вряд ли мог образоваться и действовать даже в странных реалиях кануна Семилетней войны. Бестужев способствовал отъезду Понятовского из России летом 1756 г., а затем вплоть до декабря сначала открыто, а затем тайно противодействовал его возвращению, опасаясь публичного скандала, который мог бы скомпрометировать великую княгиню. Уильямс, оказавшийся в силу сложившихся обстоятельств в незавидной роли

¹⁷ Н.И. Панин был в это время послом в Стокгольме, где отстаивал интересы голштинской линии шведского королевского дома, боролся против Франции, стремившейся ограничить власть короля. В 1760 г. он будет назначен воспитателем великого князя Павла, примет участие в июньском перевороте 1762 г., приведшем Екатерину к власти, а затем до своей смерти в 1783 г. будет возглавлять Коллегию иностранных дел.

¹⁸ «Записка». Л. 241 об.

¹⁹ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 218.

согладатая прусского короля, придал этой истории помимо своей воли политическую окраску, во многом предопределившую кризис 1757–1758 гг., закончившийся ссылкой Бестужева, арестом и смертью Апраксина.

Для понимания особенностей функционирования треугольника важно иметь в виду, что Понятовский появился в Петербурге как представитель клана Чарторыйских, склонявшихся в этот период к переориентации Речи Посполитой с Австрии на Россию и избранию на польский престол после смерти Августа III «природного поляка». Не вызывает сомнений, что он испытывал к Екатерине глубокое чувство. Но дело не только в нем. Понятовский должен был заинтересовать Екатерину польскими делами, и он эту задачу выполнил. В 1757 г. великая княгиня направляет Бестужеву проект «выступить в делах Польши против графа Брюля», предложив послать в Варшаву М.П. Бестужева, брата канцлера, чтобы «разгромить всех, кто желал бы уничтожить сторонников России». Она отмечала, что в интересах России «иметь свою партию в соседнем королевстве, какова Польша»²⁰. Уильямс, настроенный антисаксонски, поддерживал реформаторские планы Чарторыйских. Бестужев, напротив, продолжал оставаться сторонником австрийского союза, что побуждало его относиться к вопросу о возвращении Понятовского с большой осторожностью.

Подобные расхождения во взглядах (а мы видели, что они затрагивали широкий круг вопросов) сопровождались растущей неприязнью и взаимным недоверием между послом, видевшим причину всех своих неудач в «двойной игре» канцлера, и Бестужевым, ревниво относившимся, как отмечают авторы «Записки», к дружбе Екатерины с сэром Чарльзом. Уильямс настолько не доверял Бестужеву, что не поддержал возникшие на первых порах у великой княгини намерение ввести канцлера в курс своей переписки с английским послом. «Канцлер ничего не знает о нашей переписке; это мне кажется к лучшему, однако, если вы держитесь противного взгляда, я охотно к нему присоединяюсь», — писала Екатерина Уильямсу 23 августа. Отвечая в тот же день, что «никогда бы не согласился», чтобы канцлер был посвящен даже просто в секрет отношений великой княгини с Понятовским, Уильямс напомнил, что только «ввиду отъезда и (еще более) возвращения Понятовского являлось необходимым довериться ему» (канцлеру)²¹.

Первые полтора месяца после отъезда Понятовского Бестужев под различными предложениями уклонялся от обсуждения вариантов его возвращения. Позиция канцлера не изменилась и после того, как в конце августа Уильямс начал выплачивать ему пенсию, пожалованную Георгом II. Канцлер отвечал послу тем же. В беседе 6 сентября он вновь посоветовал ему самому просить о своем отзыве из Петербурга, сказав, что императрица недовольна его поведением. И намекнул при этом не только на покровительство посла Понятовскому, но и на то, что великая княгиня ведет с ним тайную переписку. Уильямс, разумеется, возмутился, добавив в пылу полемики, что в дело Понятовского его впутали, не спросив. Но Бестужев, нащупав слабое место собеседника, демонстративно отказался пересылать письма великой княгини графу Станиславу. Только в середине сентября Бестужев под открытым давлением со стороны Екатерины (и скрытым — Уильямса) был вынужден сам просить посла содействовать переписке великой княгини с Понятовским.

Между тем 9 сентября, когда Понятовский находился уже в Варшаве, прусская армия вторглась в Саксонию. Это еще более осложнило выполнение замыслов великой княгини. Екатерине и Уильямсу пришлось разработать совместный план, чтобы побудить

²⁰ Билбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 347. Конференция, однако, на очередном заседании ограничилась решением «исподволь приуготовить Польшу, чтобы она проходу здешним войскам для атакования Пруссии не только не препятствовала, но паче охотно на то смотрела».

²¹ С.М. Горяинов, по нашему мнению, неверно интерпретировал эти слова Уильямса, утверждая, что тот «должен был поневоле согласиться на это». Дальнейшая переписка ясно показывает, что Бестужев не знал о ней. — Горяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и Екатерина II // Вестник Европы. 1908. Кн. 2. С. 625.

канцлера действовать. Решено было добиваться приезда Понятовского в официальном качестве — польско-саксонского представителя в ранге посланника (министра). Такой вариант не только обеспечивал его безопасность, но и делал логичным и даже необходимым содействие Бестужева. Уильямс, убежденный в неискренности Бестужева, внушал Екатерине, что она должна жестко добиваться от канцлера выполнения своих обещаний, повторяя при этом, что их переписка должна оставаться «непроницаемым секретом, в том числе для Бестужева и Бернарди».

В этот критический момент Екатерина направила личное письмо Бестужеву, в котором категорически потребовала его содействия в возвращении Понятовского в Петербург к Рождеству, не допуская больше «никаких отговорок» по этому поводу и увязывая это требование со «своим личным расположением и покровительством на будущее». Сообщая об этом Уильямсу, она пишет: «У меня голова идет кругом, я не знаю, что говорю, что делаю; смешно признаться, но я испытываю такое состояние первый раз в жизни. Не бросайте меня в беде». В эти дни Екатерина в нарушение всех требований дворцового протокола была готова явиться к Бестужеву лично и просить его выполнить ее просьбу. «Екатерина относится к этому делу со всей страстью, которой ее одарила природа, — отмечают авторы “Записки”. — Возвращение графа Понятовского не могло более зависеть ни от кого, кроме ее самой. И поэтому она чувствовала себя вправе ставить свою дружбу и свое покровительство в будущем в качестве цены за это возвращение, причем обязательно до Рождества»²².

Канцлер дрогнул. 11 сентября он сообщил Екатерине, что направил письмо канцлеру Брюлю с ходатайством вернуть Понятовского в Петербург. Уильямс, однако, не поверил заверениям канцлера. С курьером 12 сентября он отправил в Дрезден 60 страниц служебных отчетов (в том числе просьбу поддержать кандидатуру Понятовского), а также письмо Понятовскому на 12 страницах, четыре письма от великой княгини, плюс деньги от нее, предназначавшиеся графу. Сообщая об этом Екатерине, Уильямс поклялся: «До приезда Понятовского Бестужев не получит ни су»²³.

Между тем 13 сентября канцлер вновь попытался убедить его использовать свое влияние, чтобы отговорить Понятовского от повторного появления в Петербурге. «Чтобы не поссориться с канцлером, не следует даже пытаться установить с ним хорошие отношения», — наставлял Уильямс Екатерину, сообщая о разговоре с Бестужевым²⁴. Великая княгиня устроила показательный разнос Бернарди, через которого общалась с канцлером. Только 24 сентября канцлер, наконец, официально обратился к Брюлю с просьбой направить в Петербург «ввиду существующих политических условий» чрезвычайного посланника Польского королевства «с целью укрепления уз дружбы, связывающих оба правительства». При этом Бестужев указал на Понятовского как на лицо, которое «сумело снискать благоволение императрицы и расположение всего ее двора и вследствие этого могло лучше других оказать услуги своему королю и своей стране» (письмо Екатерины Уильямсу от 24 сентября, приложение).

Обращение Бестужева к Брюлю немедленно вызвало ответную реакцию противников Понятовского в Петербурге и Варшаве. В северной столице был пущен слух, что в Россию едет еще один шпион прусского короля. Успокаивая Екатерину, Уильямс сообщил ей, что посоветовал Бестужеву «не шутить с волей Екатерины, решившей добиться возвращения Понятовского во что бы то ни стало». «Господи, — писал Уильямс, — как бы я желал, чтобы Понятовский вернулся для моего собственного утешения! Такой верный друг, знающий и осторожный помощник неоценим!.. Я питаю к нему нежность отца» (письмо Уильямса великой княгине от 7 октября).

Между тем неоднозначные вести начали поступать из Польши. Возвращению Понятовского в Петербург воспротивилась его мать Констанция, которой он рассказал

²² «Записка». Л. 160.

²³ Там же. Л. 163 об.

²⁴ Там же. Л. 169.

о своих отношениях с Екатериной. Это была серьезная проблема, поскольку Констанция обладала огромным моральным авторитетом в семейном клане Понятовских—Чарторыйских. Она согласилась отпустить сына только после того, как Уильямс написал ей, дав личные гарантии безопасности ее сына. Тем не менее, как показывает письмо Понятовского Уильямсу от 17 октября 1756 г., какие-то сомнения появились в это время и у самого Понятовского (возможно, в связи с появлением на горизонте Эльжбеты Любомирской, о которой он очень тепло вспоминает в мемуарах)²⁵.

Кроме того, оставались и трудности объективного характера. Дело в том, что для назначения Понятовского в официальном качестве необходимо было согласие польского сейма. Но перспектива его созыва в связи с войной оставалась неясной. В этих условиях родственники Понятовского разработали план оформления его миссии в Петербург через канцелярию канцлера литовского Адама Чарторыйского, дяди Понятовского.

Действовать обходными путями, однако, не пришлось. Помог русский поверенный в делах в Дрездене Генрих Гросс, передавший королю рекомендательные письма от императрицы и канцлера, полученные Понятовским при отъезде из России. По прибытии в Варшаву Август III принял решение направить стольника Понятовского в Петербург, предварительно наградив его орденом Белого Орла. 5 ноября саксонский поверенный в делах И.М. Прассе уведомил дипломатический корпус о скором прибытии графа Понятовского. Французский и австрийский послы немедленно приняли контрмеры в Петербурге. Резкие демарши были осуществлены французскими дипломатами и в Варшаве.

Следствием всей этой суеты выглядят и решения состоявшегося 7 ноября заседания Конференции, прошедшего под председательством Бестужева и в присутствии императрицы. Их суть изложена в выписке из протокола Конференции, направленной Екатериной Уильямсу на следующий день: «Ее Величество приказала: назначение графа Понятовского посланником неугодно Е.И.В. из-за его большой дружбы с господином Уильямсом. Вследствие этого Его Превосходительству великому канцлеру приказано устно сообщить секретарю саксонского посольства г-ну Прассе, что хотя Ее Величество направила графу Понятовскому рекомендательное письмо для его короля, его назначение ей неприятно. Эта милость была ему оказана только в связи с его просьбой и в надежде на то, что Его Величество король одобрит ее. Е.И.В. весьма желательно, чтобы саксонский посланник прибыл сюда сразу же после заседания Парламента в Швеции. Здесь ожидают назначения графа Герсдорфа, считая, что королю лучше служил бы его природный подданный, к которому мы могли бы относиться с полным доверием. Но если сейчас уже невозможно воспрепятствовать приезду графа Понятовского, не следует вступать с ним в обсуждение дел, которые могли бы продлить его пребывание здесь»²⁶.

Авторы «Записки» отмечают: «Думаем, не ошибемся, если предположим, что оригинал этой записки был направлен великой княгине Шуваловыми, чтобы еще раз показать ей двойную игру, которую вел Бестужев». В подтверждение они приводят выдержки из переписки Бестужева с Брюлем, опубликованные немецким историком Э. Херманном. Бестужев, в частности, давал понять в Дрезден, что опасается, как бы граф Понятовский, «известный своей приверженностью прусской системе, не злоупотребил бы секретами, которые будут ему доверены». Явно пытаясь оправдаться в глазах саксонского двора, Бестужев писал,

²⁵ Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928. P. 172–176. В переписке Понятовского с Екатериной и Уильямсом вместо имен придворных использовались псевдонимы, некоторые из которых звучат как краткие характеристики: императрица — Осторожность (Prudence), Бестужев — Патрон (Patron), вице-канцлер Воронцов — Честный (L'Integre), Лепид (Lepid, посредственный политик эпохи Цезаря, символ безликого чиновника), Иван Шувалов — Краснодеревщик (Acajou), Ливен — Слуга (Valet), Апраксин — Игрун (Joujou), Кирилл Разумовский (он был огромного роста) — Малыш (Le Petit).

²⁶ «Записка». Л. 304–305.

что «сумеет нейтрализовать возможные политические демарши посланника». Саксонцам же рекомендовал ориентироваться на сообщения, поступавшие от Прассе, поскольку информация от графа, будет, скорее всего, «никуда не годной, учитывая его неспособность к делам». Отвечая Бестужеву, Брюль прямо писал, что с учетом болезненного состояния императрицы в Дрездене желали бы заручиться и дружбой «молодого двора».

Вместе с тем в протоколе, попавшем в руки Екатерине, краски оказались сгущены. С.М. Горяинов разыскал в Главном архиве МИД России официальные протоколы заседания Конференции 7 ноября, отличающиеся значительно более сдержанными формулировками (по всей вероятности, Екатерине был передан черновик протокола обсуждения): «Королевско-польский двор начал уже действительно возвращать свою доверенность и милость старым своим и здешним партизанам князьям Чарторыжским, чему доказательством служит назначение сюда чрезвычайным министром стольника литовского графа Понятовского. Сие последнее для великой конвенции, в которой сей стольник известным образом находится с английским послом Уильямсом, при нынешних обстоятельствах, правда, не весьма желательно, но как отвращение того совсем уже невозможно, потому что оной теперь в дороге быть имеет, да и фамилия его тем крайне огорчена была бы, так что здешний двор, вступившись столь сильно за оную, супротивлением сему назначению придет бы сам в некоторое с собой разноречие, то остается смотреть, каково будет ныне сего Понятовского здесь поведение и потому искусно размерять, как далеко имеет простираться оказуемая ему в делах доверенность».

В том же протоколе приводится текст рескрипта, направленного в Коллегию иностранных дел: «Назначение министром к нам стольника литовского графа Понятовского по причине великой его с английским послом Уильямсом конвенции при нынешних обстоятельствах подлинно не может нам быть приятно. Но понеже королевское при том намерение показать нам сим самым выбором некоторую угодность всегда, однако же, призвание заслуживает, то и надлежит, чтоб посланник Гросс пристойный о том комплимент Его Величеству королю учинял; но при том графу Брюлю в вышней доверенности и для единственного королевского известия внушил, что хотя имевшее при том его величеством дружеское к нам намерение нам подлинно приятно, да и в прочем весьма бы мы к тому согласны были, чтоб сим способом вошли паки в прежнюю его величества милость и доверенность князья Чарторыжские с их друзьями, за которых мы у Его Величества заступление чинили и которых мы всегда в преданстве ко двору содержать стараться будем... Причем надобно, чтоб Гросс и о том в вышнем секрете графа Брюля предупредил, что буде граф Понятовский по приезде сюда не найдет тотчас такой доверенности, каковой бы в прочем пребывающий между нами теснейший союз требовал по неумалению нашей к королю дружбы, то сие единственно причиною тому будет, что граф Понятовский, будучи персонально в великой дружбе и конекции с послом Уильямсом, усердным комиссионером короля прусского, предосторожность и благоразумие требуют, по меньшей мере, увериться наперед о молчаливости сего молодого человека. Потребное из сего рескрипта к сведению нашего генерал-фельдмаршала Апраксина ему уже от нас сообщено»²⁷.

Как видим, наряду со смягченными формулировками в протоколе заседания Конференции в полной мере сохранились неприязнь к Уильямсу и недоверие к Понятовскому. Понятно, что в оставшееся до приезда графа время Екатерина не жалела усилий, чтобы создать нормальные условия для его работы в Петербурге. Уильямс, однако, находившийся с конца октября в болезненно-нервном напряжении, продолжал настаивать, чтобы великая княгиня прервала отношения с канцлером. «Говорите, что хотите, — отвечала ему великая княгиня, — но с ним можно поладить».

После заседания Конференции 7 ноября дело о возвращении Понятовского вновь несколько затормозилось. 18 ноября Бестужев передал Екатерине письмо от Понятовского

²⁷ Горяинов С.М. Указ. соч. С. 636–638.

и донесение от Гросса, сообщившего, что отъезд графа откладывается до уточнения вопроса об отношении в Петербурге к его назначению. Гросс описывал также интриги французского поверенного в делах в Варшаве Ф.М. Дюрана, пытавшегося убедить Августа III отправить вместо Понятовского в Петербург другое лицо. С большим трудом Екатерине удалось побудить канцлера написать Гроссу, чтобы Понятовскому было «оказано полное доверие» (письмо Екатерины Уильямсу от 20 ноября). В середине декабря Брюль сообщил, что «король доверяет» Понятовскому, но одновременно назначен его преемник — барон К. фон дер Остен-Сакен²⁸.

Между тем Уильямс, совсем пав духом, направил государственному секретарю лорду Холдернессу просьбу о своем отзыве. Из Лондона достаточно быстро пришло согласие, причем Уильямсу рекомендовали не вступать в политические дискуссии с императрицей даже во время прощальной аудиенции. Однако отзывные грамоты послу почему-то были направлены через Берлин. Фридрих, заинтересованный в том, чтобы Уильямс продолжал оставаться в Петербурге, написал в Лондон, прося продлить его пребывание. В том числе и потому, что, зная о болезни Елизаветы Петровны, он хотел, чтобы посол был рядом с Екатериной в момент кончины императрицы.

26 ноября, когда они еще не знали, что отъезд посла откладывается, Уильямс утешал великую княгиню, огорченную тем, что «оба ее друга будут разъединены», уверял ее в том, что он не сомневается в дружбе Понятовского и что «они найдут способ обмениваться мыслями». Концовка письма звучит пророчески: «Когда-нибудь Вы и король Пруссии в качестве Вашего помощника (*lieutenant*) сделаете Вашего молодого друга королем Польши»²⁹.

Понятовский прибыл в Петербург 23 декабря 1756 г.

Разместился он в «доме певца Марко против Казанского собора» (полковника Марка Федоровича Полторацкого, управлявшего придворной певческой капеллой), снятом для него Екатериной.

ЗАВЕРШЕНИЕ МИССИИ УИЛЬЯМСА. ЕЕ ИТОГИ

С приездом Понятовского для Уильямса начались новые испытания. 24 декабря Екатерина прислала ему выдержку из письма графа к ней: «Чтобы устроить мои дела при здешнем дворе, которые очень плохи, я разработал план. Во время моего визита к Патрону (канцлеру. — *П.С.*), который мне назначен между 11 и 12 часами, я заверю его в полной своей преданности и изложу ему главные идеи относительно моего образа действий. Моей второй задачей станет сближение с Эстергази, что, как я надеюсь, будет нетрудно, поскольку он для меня необходим. Когда я заручусь его поддержкой, прекратятся и интриги со стороны Дугласа. В течение трех недель (так в тексте, возможно, имелось в виду «трех месяцев». — *П.С.*) я буду избегать какой-либо связи с Мудростью (Уильямсом. — *П.С.*), которому я прошу Вас объяснить это в общих интересах нас троих; надеюсь через какое-то время оказаться ему полезным»³⁰.

Отвечая (письмо от 26 декабря), Уильямс одобрил план действий Понятовского, заметив, что и сам бы советовал ему не афишировать отношения с ним. Екатерина, которую, как можно легко себе представить, беспокоила реакция Уильямса, восклицает: «Как я Вам обязана, и как бы мне хотелось Вам это доказать!» В ответ Уильямс напомнил, что считает Понятовского своим приемным сыном и тот «потерял бы его дружбу и заслужил его презрение, если бы отказался от данного ему поручения». «Если же я страдаю, помните, что это ради вас обоих; в этом — мое утешение. Только в таких обстоятельствах познаются истинные друзья» (письмо от 30 декабря). На следующий день Екатерина написала Уильямсу, что прослезилась, читая его письмо.

²⁸ «Записка». Л. 356.

²⁹ Там же. Л. 340.

³⁰ Там же. Л. 495 об.—496.

Но жизнь быстро внесла коррективы в эти взаимные демонстрации благородства. 31 декабря (11 января) Понятовский имел аудиенцию у императрицы³¹, во время которой произнес вполне антипрусскую речь, которая так понравилась Елизавете Петровне, что она распорядилась напечатать ее отдельной брошюрой. В тот же день было подписано соглашение о присоединении России к первому Версальскому договору. А 22 января (2 февраля) 1757 г. — австро-российская союзная конвенция. Расстановка сил в приближающейся войне определилась.

В изменившейся обстановке Уильямс и Понятовский оказались по разные стороны линии противостояния. Понятовский начал энергично налаживать отношения с Бестужевым, Шуваловыми, Эстергази и агентом королевского Секрета Ш. д'Эоном, причем великая княгиня поддерживала его. Понятно, что действия его были обусловлены обязательствами, которые он вынужден был взять перед Брюлем, «ненавидевшим в нем агента Чарторыйских»³², и союзниками России по антипрусской коалиции. Психологически Уильямсу, однако, оказалось очень трудно приспособиться к ситуации.

Достоверно известно, что ответный визит Уильямса к Понятовскому состоялся 13 (24) января, причем он был недоволен тем, что на нем присутствовал и Прассе (Екатерина отозвалась об этом как о «злой нескромности известного вам лица») ³³. Из факта ответного визита можно заключить, что ему предшествовал визит вежливости самого Понятовского. Уильямс пытался организовать у себя и дружеский обед для графа, причем по его просьбе он пригласил на него и Прассе, и секретаря Понятовского Г. Огородского. Но затем что-то, очевидно, не заладилось, и Уильямсу пришлось отменять обед под надуманным предлогом.

Уильямс не был бы самим собой, если бы не увязал поведение Понятовского с «дурным влиянием» на него канцлера. Посол был крайне раздражен тем, что ему «приходится платить за все ошибки канцлера и его предательство». Великой княгине пришлось вмешаться и потребовать у Бестужева «прекратить мстить Уильямсу». Послу же она писала, защищая Бестужева: «Он единственный, кто мне предан и имеет голову на плечах. Что Вы выиграете, погубив его? Моя потеря будет невосполнима, к тому же он друг Англии»³⁴. Дружеское обращение Екатерины к Уильямсу (*Mon ami*) сменяется на официальное (*Monsieur*). Меняется и тон переписки, резко сокращается ее объем.

Оказавшись в изоляции, Уильямс начинает уделять основное внимание вопросам подготовки русской армии к предстоящим боевым действиям, но его донесения в Лондон и Берлин местами наводят на мысль о болезненной игре воображения. Характерна в этом отношении депеша Уильямса лорду Холдернессу от 28 декабря 1756 г. (8 января 1757 г.). Она написана в связи с несостоявшимся приездом на Крещение (6 января) в Петербург из Риги С.Ф. Апраксина. В ней Уильямс дает крайне предвзятую характеристику Апраксину («мало похож на военного», очень низкого мнения о своей армии, склонен к мотовству и потому беден). Он пишет, что «король Пруссии, знающий эти особенности Апраксина, считает, что можно было бы попытаться задержать марш русских войск, послав ему значительную сумму денег (*une forte somme d'argent*), так как для главнокомандующего найти предлог для промедления не составит большого труда. Это могло бы удастся, если бы великая княгиня взялась устроить это дело».

«Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть, что великая княгиня действительно участвовала в подкупе Апраксина, который и сам прекрасно умел замедлять развертывание своих войск», — пишут авторы «Записки». Тем не менее они соглашаются с тем, что отступление Апраксина после победы русской армии при Гросс-Егерсдорфе могло быть

³¹ Описание высочайшей аудиенции польско-саксонского посланника графа Понятовского. — Там же. Л. 506—597.

³² «Записка». Л. 494 об.

³³ Там же. Л. 519.

³⁴ Там же. Л. 510—512.

связано с перепиской, которую вели с ним Бестужев и великая княгиня. А из нее и выросло вскоре «дело Апраксина — Бестужева», в результате которого пострадали все трое. «Не подлежит никакому сомнению, — отмечают авторы “Записки”, — что наряду с обнаруженной открытой перепиской существовала и секретная переписка Бестужева и великой княгини с Апраксиным после его отъезда к армии»³⁵. При этом они ссылаются, в частности, на депешу саксонского поверенного в делах Прассе канцлеру Брюлю от 20(31) января 1758 г. в которой утверждается, что целью секретной переписки было «задержать продвижение армии Апраксина». Хотя Прассе излагает и версию канцлера о том, что великая княгиня и он требовали от Апраксина продолжать наступление после победы под Гросс-Егерсдорфом³⁶.

В марте Уильямс жил за городом, в усадьбе барона Вольфа. Здоровье его настолько ухудшилось, что врачи порекомендовали ему меньше работать. Уильямс попросил было лорда Холдернесса отпустить его в отпуск, но ответа не получил: в Лондоне исходили из того, что решение о его отъезде в принципе принято, и инициативу в отношении своего отъезда должен проявить сам посол. Уильямс колебался, пытался следить за развитием обстановки. Но, наконец, в депеше в Лондон от 11(22) марта заявил, что его дальнейшее пребывание в Петербурге становится бесполезным. В тот же день Екатерина предупредила, что отдан приказ досматривать корреспонденцию иностранных послов, причем особое внимание будет уделено его переписке. Ответ Уильямса: «Я уже год знаю, что мои письма по почте вскрываются».

В апреле шевалье д'Эон повез в Вену план совместной кампании. 1 мая был подписан второй Версальский договор между Францией и Австрией, носивший характер наступательного союза. 2 мая армия Апраксина перешла границу Восточной Пруссии.

Окончательный отъезд Уильямса было решено синхронизировать с приездом в Петербург французского посла П.Ф. де Галуччо, маркиза де Л'Опиталья³⁷. Отвечая Уильямсу на его сообщение об этом, великая княгиня «в самом большом секрете» просила ссудить ей еще 10 тыс. ф. ст. (письмо № 59, без даты). Причем просила устроить это напрямую, без участия Вольфа, дав понять, что на этот раз не хотела бы оставлять расписки (в переписке имеется записка без даты, которая выглядит как косвенное подтверждение получения денег)³⁸. Судя по всему, деньги были получены еще до отъезда Уильямса.

Маркиз Л'Опиталь прибыл в Петербург 21 июня (2 июля) 1757 г. 27 июня (8 июля) его приняла императрица. В этот же день состоялась прощальная аудиенция Уильямса, прошедшая подчеркнуто холодно. Екатерина откликнулась на нее письмом от 2(13) июля, в котором назвала Уильямса «уникальным человеком», заверив его в дружеских чувствах («люблю Вас как отца») и подтвердив отношение к Великобритании как «естественному союзнику» России. Закончила она письмо оптимистической фразой: «Мы вместе укротим наших врагов»³⁹.

19(30) августа, в день победы армии Апраксина при Гросс-Егерсдорфе, Уильямс выехал в Кронштадт (этим числом датированы прощальные письма к нему от великого князя и великой княгини). Однако Россию он покинул только в конце октября, уже после отступления русской армии и ареста Апраксина. Похоже, что именно эти события положили конец его колебаниям с определением даты отъезда. Сначала он планировал ехать сухим путем через Польшу, затем, решив добираться морем через Финляндию и Швецию, не мог отплыть «из-за противных ветров». Наконец, отбыл, но тут же вернулся, как полагают, узнав о новом ухудшении здоровья императрицы в Царском Селе. Уехал в самый разгар следствия по делу Апраксина, когда тучи сгустились и над Бестужевым.

³⁵ Там же. Л. 403 об.

³⁶ Там же. Л. 500 об.—503.

³⁷ Там же. Л. 543.

³⁸ Там же. Л. 552—553.

³⁹ Там же. Л. 548.

Добирался домой с приключениями. В Гамбурге, где были отмечены первые признаки его психического расстройства, связался с «дамой полусвета», которая сначала обобрала его на 2 тыс. фунтов, а затем вынудила обещать жениться, хотя Уильямс был женат. Да и в целом вел себя неадекватно, упал с моста, увлекся афродизиаками. И в довершение всего, сочинил едкий памфлет на некоего Брауна, был вызван им на дуэль и избежал ее только с помощью друзей. В Гамбурге он встретился со своим преемником Робертом Кейтом, направлявшимся в Петербург (до этого был английским посланником в Вене). Из Колдбрука написал ему письмо, которое выглядит как жалкая попытка сохранить хорошую мину при плохой игре. Умер в своем родовом имении 2 ноября 1759 г.

Понятовский оставался в Петербурге до начала августа 1758 г. После ареста Бестужева 14(25) февраля 1758 г. для него и Екатерины, только что оправившейся от родов 9(20) декабря 1757 г. она родила дочь Анну, умершую в младенчестве; отцом ее считали Понятовского), настали тяжелые времена. Почти два месяца, до конца марта, Понятовский не появлялся в обществе, сказываясь больным. Сразу же после ареста И.П. Елагина, В.Е. Ададунова, Бернарди и камер-фрау Екатерины Владиславлевой, знавших в деталях о его связи с великой княгиней (и о многом другом), он написал Брюлю, попросив отозвать его на родину. Прервать домашнюю самоизоляцию его вынудил только приезд важных гостей — Фридриха Брюля, сына канцлера, а за ним (10 апреля) принца Карла Саксонского, будущего герцога Курляндского, остававшегося в России три месяца. Вскоре после приезда принца Карла Брюль разрешил Понятовскому вернуться в любое удобное для него время⁴⁰.

К этому времени, однако, выяснилось, что страхи Понятовского оказались преувеличенными. Арестованные молчали. Но ход дела Бестужева переломили, скорее, мужество и самообладание, проявленные Екатериной в критических для нее обстоятельствах. В ходе двух разговоров с императрицей, 13(24) апреля и 23 мая (3 июня) она сумела если не убедить Елизавету Петровну в своей невиновности, то, во всяком случае, объяснить ей мотивы своего поведения. Содержание разговоров нам достоверно не известно, но можно согласиться с Н.Д. Чечулиным, что в основе обвинений в адрес великой княгини лежало «не подозрение в тайной переписке с [...] фельдмаршалом Апраксиным, а ее вскрывшаяся переписка с Уильямсом и его польским протезе Станиславом Понятовским». Психологически точен, как нам представляется, и вывод Чечулина о том, что «уличив Екатерину в непростительной переписке, Елизавета Петровна простила эту вину как натура крупная, искренне, потому что оценила и ту душевную драму, которая довела Екатерину до этого, и ту, которую пережила Екатерина, когда была уличена»⁴¹.

Напряжение, в котором жили весной 1758 г. Екатерина и Понятовский, спало, но ощущение личной опасности, по крайней мере у возлюбленного великой княгини, осталось. И тем не менее его встречи с Екатериной, жившей летом в Ораниенбауме (Понятовский, сопровождавший принца Карла, жил по соседству, в Петергофе), стали более частыми. Тут и приключился с ним инцидент, ускоривший его отъезд. 23 июня (4 июля) он имел неловкость попасться на глаза Петру Федоровичу, когда, будучи переодетым, направлялся в Ораниенбаум на свидание с Екатериной. Выходя от нее, он был задержан людьми великого князя, потребовавшего объяснений. Разбором дела занимался Александр Шувалов, начальник Тайной канцелярии. Спас Понятовского Иван Шувалов, за которым, несомненно, стояла императрица, хотевшая избежать публичного скандала.

Понятовский описывает в мемуарах эту историю в жанре авантюрно-любовного романа, как бы даже несколько рисуясь⁴². Между тем и на этот раз спасла его, похоже, Екатерина, пошедшая на сближение с фавориткой великого князя Елизаветой Воронцовой, которую до этого она подчеркнуто игнорировала. По-видимому, он так и не понял, что

⁴⁰ *Zamoyski A.* The Last King of Poland. London, 1992. P. 68.

⁴¹ Чечулин Н.Д. Царствование Екатерины II // Государи дома Романовых. Т. 2. М., 1913. С. 24.

⁴² Понятовский С.-А. Мемуары. М., 1995. С. 135–139.

ценой его «примирения» с великим князем стала не только фактическая легализация связи Петра Федоровича с Воронцовой, но и компрометация великой княгини. Ночной инцидент в Ораниенбауме окончательно испортил отношения великого князя с супругой, во многом предопределив события, предшествовавшие перевороту 28 июня 1762 г.

После отъезда Понятовского Екатерина какое-то время надеялась вернуть его, но в отсутствие Уильямса и отправленного в ссылку Бестужева сделать это оказалось невозможным. Обратилась было к французскому послу, однако в сентябре 1760 г. Елизавета Петровна через Воронцова запретила даже думать об этом.

В июле 1762 г. Понятовский снова стал пытаться вернуться в Петербург. Екатерина установила это только обещанием сделать его королем Польши.

Через два года она выполнила свое обещание.

* * *

Миссию Хенбери-Уильямса в Петербурге трудно охарактеризовать иначе как полный провал. В значительной мере виновен в этом был он сам. Человек в дипломатии в общем-то случайный, к тому же болезненно амбициозный, с завышенной самооценкой, во всех своих миссиях — в Дрездене, Берлине и Петербурге — он вел себя таким образом, что делал свой отзыв неизбежным. Он ссорился с Фридрихом II, Марией Терезией, В.А. Кауницем, Брюлем, в Петербурге — с Бестужевым. Тяжелые последствия для Великобритании имело русско-французское сближение, которое ему не удалось предотвратить. Любимое его детище, англо-русский субсидный договор, стало причиной, толкнувшей Фридриха II и Георга II подписать Вестминстерский договор и таким образом подготовить условия для «дипломатической революции» 1756 г. и Семилетней войны. Установленные им доверительные отношения с великой княгиней Екатериной Алексеевной, ставшие самым ярким его личным достижением, не принесли ни политических дивидендов Англии, ни какой-либо выгоды ему самому. История с Понятовским, авантюрная даже по меркам галантного осмнадцатого века, также не украсила его миссию.

И тем не менее относить результаты миссии Уильямса в России только на счет его личных ошибок, по нашему мнению, несправедливо. Невыполнима была главная задача, поставленная перед ним, — обеспечить гарантиями безопасности германские владения английского короля со стороны двух будущих противников в Семилетней войне. Неудачи Уильямса в России — следствие системных ошибок внешней политики Великобритании при Ганноверской династии. В Лондоне не поняли масштаба происходивших перемен, существа процесса территориального переустройства Центральной и Восточной Европы, начатого войной за австрийское наследство и продолженного разделами Польши. Сведя свою континентальную политику к решению частных династических задач, английские дипломаты в европейских столицах стали неловкими статистами «дипломатической революции». Профессиональную судьбу Уильямса, заложника эпохи перемен, сформировали обстоятельства, в которых ему довелось жить. Это, собственно, и определяет актуальность обращения к его фигуре сегодня.

Но не только это. Памятником Уильямсу стала его переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Причем памятником своеобразным: ее участники, будучи уверенными, что их письма никогда не будут опубликованы, говорят собственными голосами, без оглядки на то, как они будут выглядеть в глазах современников и потомков. Это, на наш взгляд, объясняет, почему один из первых исследователей переписки Н.Д. Чечулин недоумевал, отмечая, что «писавшее эти письма лицо рассуждает вовсе не как русская великая княгиня; автор писем думает, чувствует и представляет себе государственные отношения как мелкие немецкие князья»⁴³. А через сто лет после него М.А. Крючкова, лучший на сегодняшний день знаток мемуаров Екатерины, называет

⁴³ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 23.

переписку «смесью политического авантюризма, салонного жеманства и неприкрытого цинизма»⁴⁴.

Это все так. Но именно нестандартность, «непричесанность» и делает переписку (и органически связанную с ней «Записку») подлинным, лишенным ретуши свидетельством о XVIII в., «столетье безумном и мудром». Ее поразительная откровенность, насыщенность деталями придворных интриг, характеристиками основных деятелей елизаветинской эпохи существенно дополняет наши представления о будущей великой императрице в наиболее сложный и, может быть, наименее изученный период ее жизни. Мы видим Екатерину готовой «царствовать или погибнуть» во время августовского и октябрьского кризисов, связанных с обострениями хронической болезни Елизаветы Петровны. Она собрана, сосредоточена, имеет продуманный план действий на случай смерти императрицы. Она уже обладает магической способностью привлекать к себе людей, среди ее сторонников различимы лица будущих участников «действия» 28 июня 1762 г., которые возведут ее на трон. Благодаря Уильямсу мы точно знаем, что Екатерина репетировала свой приход к власти за шесть лет до того, как это случилось.

Великие личности рождаются на крутых поворотах истории. Екатерина — дитя «дипломатической революции». Она стала великой государыней на конечном этапе Семилетней войны. Но уже за шесть лет до этого, при ее начале, она сумела лучше других уловить, куда склоняется вектор движения исторического процесса, осознать задачи России в новой расстановке сил в Европе. В уроках кризисов 1756—1758 гг. истоки ее внешней политики, ориентированной на «рациональный государственный интерес», стремление показать, что «Россия ни за кем хвостом не тащится». Но здесь же и разделы Польши вместе с Пруссией и Австрией, результатом которых стало не только создание Украины и Белоруссии в их этнических границах, но и гибель польского государства. И иллюзии Греческого проекта с внуком Константином на троне византийских императоров, в реализации которого Екатерина, впрочем, после присоединения Крыма и выхода России на берега Черного моря проявила разумную осмотрительность.

И еще одно, может быть, самое важное. В критических обстоятельствах начала Семилетней войны Екатерина поняла главное: «Если она мечтает стать русской императрицей, то должна высоко уважать этот сан, должна думать не о том, как захватить власть, а о том, чтобы заслужить ее... На целых четыре года мы почти теряем Екатерину из вида, и когда она выступает перед нами снова, уже как супруга императора, затем и как самодержавная императрица, мы видим зрелую женщину с большим запасом идей и знаний, сильной решимостью, огромным умением влиять на людей, — женщину, неутомимо работавшую и не переставшую работать до последнего дня жизни»⁴⁵.

Библиография

- Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900.
- Горяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и Екатерина II // Вестник Европы. 1908. Кн. 2. С. 620—695.
- Крюčkова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009.
- Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. / Под ред. С.М. Горяинова. СПб., 1909.
- Понятовский С.-А. Мемуары. М., 1995.
- Чечулин Н.Д. Царствование Екатерины II // Государи дома Романовых. Т. 2. М., 1913. С. 1—127.
- Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.
- Zamoyski A. The Last King of Poland. London, 1992.

⁴⁴ Крюčkова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009. С. 212.

⁴⁵ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 24—25.

References

- Bil'bassov V.A.* Istoriia Yekateriny Vtoroy [The History of Catherine the Second]. T. 1. Berlin, 1900. (In Russ.)
- Chechulin N.D.* Tsarstvovanie Yekateriny II [The Reign of Catherine II] // Gosudari doma Romanovykh [House of Romanov's Monarchs]. T. 2. Moskva, 1913. P. 1–127. (In Russ.)
- Goriainov S.M.* Stanislav-Avgust Poniatowski i Yekaterina II [Stanisław-August Poniatowski and Catherine II] // Vestnik Evropy [European Bulletin]. 1908. Kn. 2. P. 620–695. (In Russ.)
- Kriuchkova M.A.* Memuary Ekateriny II i ikh vremia [Memoirs of Catherine II and their time]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Perepiska velikoi kniagini Yekateriny Alekseevny s angliiskim poslom Charl'zom Khenburi-Vill'iamsom / Pod red. S.M. Goriainova [Correspondence of the Grand Duchess Catherine Alekseevna with the English Ambassador Charles Hanbury-Williams / Ed. S.M. Goryainov]. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)
- Poniatowski S.-A.* Memuary [Memoirs]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.
- Zamoyski A.* The Last King of Poland. London, 1992.